

УДК 304

Н. Н. Федотова

Мягкая сила России: вызовы и перспективы

Аннотация:

Раскрыта роль мягкой силы США в концепции Дж. Найа и пределы ее влияния, а также мнение Найа о мягкой силе СССР, его критические замечания и предложения в отношении российской мягкой силы. Рассмотрены представления ряда российских и западных исследователей о сильных и слабых сторонах российской мягкой силы, ее содержании и особенностях. Показаны некоторые вехи эволюции российской мягкой силы и ограничения ее применения.

Ключевые слова: мягкая сила, Дж. Най, Россия, культура, власть.

Об авторе: Федотова Надежда Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России; эл. почта: nnfedotova@rambler.ru

Мягкая сила (гибкая власть) – понятие, введенное американским исследователем Дж. Наем для того, чтобы показать «способность добиваться желаемых результатов, в большей степени привлекая, нежели принуждая других», которая возникает «из привлекательности культуры той или иной страны, ее политических идеалов и политики» [3, с. 18, 106]. Это – власть привлекательности, в основе которой лежат три группы ресурсов, заключенные в «ее культуре (в тех странах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она действует согласно им у себя дома и за рубежом) и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет)» [3, с. 37-38]. Мягкая сила особенно сильна, когда работают все три ресурса, но этого редко удается достичь.

Культуру Най рассматривает как комплекс ценностей и практик и выделяет в две области – обращенную к элитам высокую культуру, к которой относится литература, искусство, образование, и популярную культуру, которая занимается массовым развлечением. Обе культуры могут выступать как ресурс мягкой силы: «когда культура страны включает в себя универсальные ценности, и политика этой страны продвигает эти

ценности и интересы, которые разделяют и другие, она увеличивает возможность достижения желаемых целей за счет создания связи между привлекательностью и уважением» [3, с. 38]. Поэтому «узкие» ценности и «ограниченные» культуры в меньшей степени способны продуцировать гибкую власть» [3, с. 38].

К странам с универсалистскими культурами Най относит американскую культуру, которая на уровне как высокой, так и массовой культуры, распространяется повсюду. Средством усиления американской привлекательности на уровне высокой культуры служат академические, научные и культурные контакты и обмены среди элит. В отличие от высокой культуры популярная культура добирается до большего числа людей, поэтому она оказывает более сильное воздействие. Привлечение через поп-культуру помогало США в достижении политических целей в восстановлении и демократизации Европы после окончания Второй мировой войны. «Поп-культура», цитирует Най доклад ведущего исследовательского центра «Пью ресерч», «придала новые жизненные силы европейским поствоенным культурам своим элементарным пониманием свободы, раскрепощенностью, жизненностью, современностью и молодостью... Подчинение диктату рынка и бизнеса в то же время содержало в себе некий элемент освобождения от смиренной рубашки традиционных обычаев и норм» [3, с. 82].

Роль поп-культуры сегодня настолько значительна, что из-за нее США выглядят «волнующей, экзотической, богатой, мощной, формирующей направления развития страной – передним рубежом современности и инноваций», цитирует Най американского исследователя Н. Розендорфа, изучавшего роль, которую играет США в условиях глобализации [3, с. 39]. Кроме этого, «поп-культура также создает образ американских ценностей, которые открыты, мобильны, индивидуалистичны... и свободны» [3, с. 80]. В целом, например в Европе, сегодня восхищаются следующими аспектами американской культуры: ее технологическими и научными достижениями, американской музыкой, фильмами, телевидением, идеями в области демократии, методами ведения бизнеса, и распространением американских идей и обычаев» [3, с. 107].

Однако полагаться только на поп-культуру нельзя, поскольку она не всегда приводит к усилению привлекательности. Массовая культура, как показывает Най, помогла одержать политическую победу над коммунизмом в Восточной Европе, но не помогла США победить во вьетнамской войне. «Она не обеспечивает постоянный и однородный ресурс гибкой силы» [3, с. 87]. Кроме того, она может приводить в целом к негативным последствиям для политики страны-излучателя этой силы, т.к. она может

оказывать противоречивое воздействие на разные группы населения в пределах одной страны. Например, по свидетельству турецкого журналиста, приводимого Наем, «распространение волны американской поп-культуры главным образом среди “верхнего среднего класса” и на периферии, среди низшего класса турецкого общества, создало... некую оппозицию идеологии, которую несет эта поп-культура» [3, с. 87].

У способности поп-культуры повлиять и привлечь есть и другие пределы. Влияние поп-культуры США зависит от двух других ресурсов мягкой силы: при определенных обстоятельствах американская внутренняя и внешняя политика могут уменьшить привлекательность этой культуры для других стран. Кроме того, поп-культура может впоследствии приесться иностранной аудитории и стать «менее экзотичной, и, следовательно, менее привлекательной» [3, с. 88]. То есть мягкая сила зависит от контекста ее осуществления.

В 2003 г. Най ввел термин «умная сила», используя это понятие для оправдания вторжения в Ирак. Умная сила в международном пространстве определяется совместной работой как мягкой, так и жесткой силы. В 2011 г. им опубликована книга «Будущее власти», в которой он развивает идеи взаимодействия мягкой силы и умной силы [9]. Уточненное и целостное определение мягкой силы состоит в том, что это – «способность воздействовать на других с помощью ... установления повестки, убеждения и позитивной привлекательности с целью достижения предпочитаемых результатов» [9, с. 21].

Отношения между мягкой и жесткой силой не заданы автоматически, будучи более сложными: «неуловимые ресурсы, такие как патриотизм, мораль и легитимность сильно влияют на военную способность бороться и выигрывать». Жесткая сила однако может сформировать ресурсы, в свою очередь создающие мягкую силу в будущем. Верна и обратная закономерность. Но одна мягкая сила не может обеспечить успехи во внешней политике, нужна и умная сила [9, с. 22]. Най подчеркивает, что мягкая сила работает только в определенном историческом контексте. Даже в США существует тенденция опираться преимущественно на первый аспект власти (инициирование изменений), которая имеет корни в американской политической культуре и институтах: «Ни один политик не хочет казаться “мягким”» [9, с. 18].

Во времена холодной войны два противника – США и СССР – боролись за идеологическое, военное, культурное и экономическое влияние. В плане культурного влияния были выработаны стратегии того, что тогда называлось публичной дипломатией. Най считает, что Россия обладала культурной привлекательностью в советский период

благодаря коммунистической идеологии, способности противостоять и победить нацистскую Германию, противостоянием европейской колониальной системе. Высокая культура России и СССР в то время вызывала всеобщее восхищение, равно как и образовательная система. Балет, симфонические оркестры, классическая музыка, наука и технологии, успехи в космосе, спортивные достижения были широко известны и становились мощным элементом мягкой силы.

Однако в области поп-культуры, отмечает Най, ситуация была иной: «Советский Союз проигрывал битву за массовую культуру и никогда не мог составить конкуренцию Америке в области кинематографии, телевидения или поп-музыки в их влиянии на мир... Американская музыка и американские фильмы просачивались... и оказывали значительное воздействие, в то время как истинно советская продукция в этой области так и не смогла пробиться на американский рынок. Так никогда и не появился социалистический “Элвис Пресли”» [3, с. 111]. По мнению Най, Россия не создала экспортируемой на Запад популярной культуры и нуждается в повышении своей привлекательности.

Д. Каллео отмечает, что «Развал СССР радикально обесценил привлекательность советской марксистской модели и уменьшил привлекательность социалистической и коммунистической моделей в целом. После падения марксизма капитализм стал по умолчанию рассматриваться как победитель. Его победа сделала США триумфатором в наибольшей степени потому, что американские лидеры привыкли представлять свою страну как носителя глобального капитализма. Такая роль, конечно, благословила американскую мягкую силу» [5, с. 68].

Россия встретила 1990-е гг. новой страной, находящейся в глубоком кризисе идентичности, экономики, внутренней и внешней политики. «...Страна, которая была маяком социалистических движений по всему миру, превратилась за несколько лет в разрушенное в моральном и социальном плане государство, съеденное капиталистическими финансами и олигархами, пришедшими к власти через “шоковую терапию”, приватизацию и либерализацию Бориса Ельцина», – считает итальянский исследователь П. Чаппони [2]. Современная Россия никогда не существовала в нынешних границах. Она была шире и географически, и культурно, что создавало и до сих пор создает проблемы для самоидентификации и выработки национальной идеи. Все это негативно повлияло на чувство «мы» и на представление россиян о месте страны в мире. Отношение к собственным культурным ресурсам было очень показательным: «В то время,

как китайские политические элиты (тоже испытывавшие сложности с идеологической интерпретацией происходящего после распада СССР и падения коммунизма – *Н.Ф.*) традиционно предполагали несомненное превосходство китайской культуры..., их российские коллеги сражались с наследием отсталости и предполагаемого более низкого положения в сравнении с развитым Западом» [13, с. 1196].

В начале 1990-х гг. доминировал вариант идентичности «Россия – это часть Европы», выдвинутый российскими западниками и инкорпорированный в официальный курс», – отмечает исследователь российской мягкой силы В. Феклюнина. Но при этом «большинством вариантов российской идентичности, включая официальный курс, разделялась версия России как великой державы...» [6, с. 783].

Начиная с 2000-х гг. Россия предпринимала много усилий по повышению собственной привлекательности в мире. К ним можно отнести языковые и культурные центры за рубежом, культурный обмен и ассоциации, обучение иностранных студентов, гуманитарная и международная помощь, использование привлекательности прецедентных феноменов русской высокой культуры (музыка, балет, опера, театр, живопись и др.). Однако российскую высокую культуру «трудно инструментализировать для практических целей», а «богатые культурные традиции часто находятся в тени негативных восприятий текущих политических событий, происходящих в стране» [11, с. 357]. Кроме того, возможности формирования мягкой силы с помощью массовой культуры ограничены: «В отличие от высокой культуры, современная российская популярная культура, стили жизни и медийные продукты кажутся менее привлекательными для иностранцев и даже для российских соотечественников» [11]. Особую роль в усилении российской интерпретации происходящего, формирования повестки дня и предпочтений на международной арене сыграли канал RT и агентство Sputnik, сопротивляющиеся медиа-гегемонии Запада.

Най отмечал во второй декаде XXI в., что Китай и Россия неправильно понимают и используют мягкую силу. Китай кажется излишне сильным и опасным для своих соседей и нуждается в мягкой силе, чтобы казаться менее угрожающим. А для Британии и России, которые ослабили свое влияние, мягкая сила нужна для того, чтобы, как он говорит «смягчить падение». С его точки зрения, Россия и Китай делают ошибку, считая, что правительство является главным инструментом мягкой силы и делают упор на пропаганду, а правительственная пропаганда очень часто не является заслуживающей доверия. «Лучшая пропаганда – это не пропаганда» [10]. Рекомендация Найя для России – производить больше мягкой силы гражданским обществом, университетами, фондами,

неправительственными организациями, поп-культурой. Он показывает, что в США были случаи, когда правительство буквально разрушало привлекательность вторжением в Ирак (добавим – и в другие страны), но обществу удавалось поддержать мягкую силу, свою привлекательность, несмотря на ошибочность американской политики [10].

Несмотря на критику возможностей российской мягкой силы со стороны Ная, а также нарастание противоречий с западными странами со второй декады XXI века, она отметилась ростом. В 2016 г. британское агентство Portland Communications, составляющее с 2015 г. рейтинг 30-и стран мира, обладающих глобальной мягкой силой [12], впервые включило Россию, которая заняла 27-е место. Первое место в рейтинге получили США. Несмотря на то, что методология данного исследования достаточно спорна, а само исследование является западоцентричным (в этот список в 2016 г. не были включены, к примеру, Китай и Индия), можно говорить об определенных успехах, достигнутых российской мягкой силой, которые заключаются в том, что Россия становится в глазах многих «поллюсом притяжения для всех тех лиц, стран или компаний, которые хотят покинуть орбиту США» и продемонстрировать свою собственную идентичность [2].

Страны здесь оценивались по нескольким параметрам, включающим культуру, вовлеченность в международные дела, цифровые технологии, правительство, образование, экономика и др. Россия оказалась достаточно высоко в рейтинге «Мягкой силы 30» по таким аспектам, как «вовлеченность в международные дела» (8-е место), «цифровые технологии» (11 место), и «культура» (14 место). Другие аспекты не получили высокой оценки. США заняли 1-е место по «цифровым технологиям», «культуре», «образованию». К основным ресурсам повышения привлекательности России аналитики относили телеканал RT, ведущий вещание на разных языках, дипломатию, которая является еще одной «сильной стороной России, которая принимает все более активное участие в урегулировании главных международных проблем (Сирия, Иран) и напрямую ведет переговоры с США» [1].

Комментируя попадание России в этот список, С. Караганов заявил: «Россия – одна из немногих стран мира, которая привлекает огромное количество людей стремлением к своей самостоятельности и суверенитету. Это огромный полюс притяжения. Наконец, мы поддерживаем традиционные ценности. ... Одна из причин недовольства нами коллегами на Западе как раз и заключается в том, что мы предоставляем другой, альтернативный и близкий большинству человечества вариант развития» [4].

С 2016 по 2019 гг. Россия входила в рейтинг «Мягкой силы 30». В 2019 г. рейтинг был рассчитан последний раз, а Россия заняла в нем 13-е место. Наивысшие места были получены по таким аспектам рейтинга, как цифровизация и вовлеченность в международные дела, где Россию поставили на 15-е и 12-е места, а достаточно низкими оценками были отмечены бизнес-среда и привлекательность модели правления.

В 2020 гг. консалтинговая компания Brand Finance представила новый рейтинг – Глобальный индекс мягкой силы [7]. Его сутью стала оценка восприятия силы национальных брендов – стран как брендов, – которая зависела от репутации страны и ее влияния. Методология индекса включает оценку таких параметров, как известность, репутация и влияние страны, а также семи «столпов» мягкой силы, куда отнесены бизнес и торговля, правление, международные отношения, культура и наследие, медиа и коммуникации, наука и образование, люди и ценности. Россия вошла в двадцатку стран с наибольшей мягкой силой. В докладе 2021 г. это было 13-е место, а в докладе 2022 г., данные для которого собирались осенью 2021, Россия заняла 9-е место. Первое место было отдано США, за ними следовали Британия, Германия, Китай, Япония, Франция, Канада и Швейцария.

М. Ларуэль, американский специалист по изучению России, отметила недавно, что спецификой мягкой силы России является то, что она имеет не универсальный, а «нишевый» характер. Для него свойственна ориентация на определенную аудиторию и обращение к достаточно ограниченному кругу российских ресурсов. К их числу отнесены история и культура России, советское наследие, современная консервативная политическая идентичность, а также статус бунтаря против либерального порядка на международной арене. Эти четыре аспекта определяют область применения российской мягкой силы [8]. На наш взгляд, мягкая сила представляет собой ресурс, который может выступать в роли капитала при определенных благоприятных внешних обстоятельствах, или существовать, скажем так, в потенциальной и несколько пассивной форме при их отсутствии. Сегодня, к сожалению, возможности использования этого ресурса ограничены.

Библиографический список:

1. Гринспан Э. Мягкая сила России растет [Электронный ресурс] // ИноСМИ. Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20160617/236886539.html> (дата обращения: 07.12.2022).

2. Италия: Самое большое оружие России – мягкая сила [Электронный ресурс] // ИА Regnum. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2179418.html> (дата обращения: 07.12.2022).
3. Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: ФСПИ Тренды, 2006. 221 с.
4. Политолог: Россия заслуживает более высокого места в рейтинге «мягкой силы» [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20160614/1447147413.html> (дата обращения: 07.12.2022).
5. Calleo D. Assessing America's Soft and Hard Power // *Follies of Power: America's Unipolar Fantasy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Pp. 67–93.
6. Feklyunina V. Soft power and identity: Russia, Ukraine and the 'Russian world(s)' // *European Journal of International Relations*. 2015. № 22(4). Pp. 773–796.
7. Global Soft Power Index [Electronic resource] // Brand Finance. Available at: <https://brandirectory.com/softpower/> (accessed date: 07.12.2022).
8. Laruelle M. «Russia's Niche Soft Power: Sources, Targets and Channels of Influence» [Electronic resource] // *Russie.Nei.Visions*. No. 122. Ifri. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_niche_soft_power_2021.pdf (accessed date: 07.12.2022).
9. Nye J. *The Future of Power*. New York, NY: Public Affairs, 2011. 300 p.
10. Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power. Beijing and Moscow are trying their hands at attraction, and failing – miserably [Electronic resource] // *Foreign Policy*. Available at: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/> (accessed date: 07.12.2022).
11. Sergunin A. Understanding Russia's Soft Power Strategy / A. Sergunin, L. Jarabeshkin // *POLITICS*. 2015. V. 35(3-4). Pp. 347–363.
12. Soft Power [Electronic resource] // *The Soft Power 30*. Available at: <https://softpower30.com> (accessed date: 07.12.2022).
13. Wilson J. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. № 8. Pp. 1171–1202.

Fedotova N.N. **Russian Soft Power: Challenges and Prospects**

The author reveals the role of US soft power in the concept of J. Nye and the limits of its influence, as well as Nye's opinion about the soft power of the USSR, his criticisms and suggestions regarding Russian soft power. The article outlines the ideas of some Russian and Western researchers about the strengths and weaknesses of Russian soft power, its content and features. The author shows some stages of the evolution of Russian soft power and its limitations.

Keywords: soft power, J. Nye, Russia, culture, power.